

В то утро говяжья лапша была такой же вкусной, как всегда. Не просто с говядиной, а с говяжьими жилами – не надо было бояться, что не прожухёшь: жилы тушились до мягкости и таяли во рту. Вкупе со свежими овощами и лапшой это стало отличным началом ещё одного славного дня.

Лу Цинцзю плохо отдохнул этой ночью, так что сегодня был немного вял. Позавтракав и накормив свиней с курами простой едой, он сел отдохнуть во дворе.

Позабывшись о полях, Бай Юэху принёс домой несколько свежих овощей. Инь Сюнь вымыл огурец и начал громко хрустеть им рядом с Лу Цинцзю. Огурцы Бай Юэху были первосортными – свежими, сладкими, хрустящими, почти как фрукты. Хоть сырыми ешь, хоть в суп – всегда вкуснятина.

Немного вздремнув на солнышке, Лу Цинцзю почувствовал себя лучше и встал готовить обед.

Инь Сюнь всё ещё беспокоился о нём и поспешил следом, сказав, что поможет. Пока мыл овощи, спросил, когда они пойдут гулять. Погода стоит хорошая, надо воспользоваться моментом и запустить воздушного змея.

«Когда угодно. – Лу Цинцзю опустил голову, взбивая яйца в миске. – Вчера ведь полило? На горе ещё сыро, подождём, пока просохнет».

«Тогда пойдём послезавтра, – сказал Инь Сюнь. – Послезавтра погода будет отличная».

«Договорились».

Увидев, что Лу Цинцзю согласился, Инь Сюнь наконец немного расслабился. Он боялся, что у друга слишком плохое настроение, и хотел придумать что-нибудь весёлое, чтобы поднять ему настроение.

Раз Лу Цинцзю был не в настроении, еда получилась попроще. Он приготовил на пару большую миску свинины с рисовой мукой, потом сварил овощной суп, поджарил дважды тушёную свинину и даже сделал немного клейкого риса с красными финиками. Финики были засахарены, очень сладкими, пропарились с клейким рисом, и их сладость пропитала каждое зёрнышко, делая вкус восхитительно сладким.

Лу Цинцзю нравилось это сладкое блюдо, так что он съел за обедом больше, чем утром.

За столом Инь Сюнь заговорил о том, чтобы послезавтра отправиться на прогулку.

«А мне можно выйти?» – внезапно спросил Лу Цинцзю. Вчера Бай Юэху сказал, что есть

большая вероятность, что после побега дракон найдёт его. Если он выйдет просто так, не наткнётся ли на опасность?

«Можно. – Бай Юэху тоже заметил, что у Лу Цинцзю было плохое настроение, и кивнул. – Нельзя всё время сидеть дома».

Верно. Лу Цинцзю откусил ещё кусочек сладких засахаренных фиников и почувствовал, что настроение немного поднялось.

После обеда Лу Цинцзю взбодрился и приготовил в духовке несколько видов сладостей. Это было довольно простое печенье, но с молоком Нюню оно вышло очень вкусным. Лу Цинцзю даже подумывал, не посадить ли весной немного пшеницы, чтобы в следующем году был свой источник муки. Изначально в этих краях было мало места для пшеницы, но не использовать специальные фермерские навыки Бай Юэху было бы жаль...

Сажены фруктовых деревьев, посаженные во дворе, медленно росли. Судя по скорости, Лу Цинцзю даже заподозрил, что уже этой осенью они могут дать плоды. Он не знал, каковы те будут на вкус, но с навыками Бай Юэху – уж точно не невкусными.

Когда они были детьми, с приходом весны бабушка Лу Цинцзю водила их на гору играть: собирать дикие плоды и запускать воздушных змеев. В то время денег было мало, так что змеев мастерили сами. Бабушка обычно делала Лу Цинцзю бабочку, а Инь Сюнь – пчелу. А потом, когда поднимались на гору, она смотрела, как дети бегают кругами, пока верёвка в руках не натягивалась и красивые змеи не взлетали высоко в небо.

Дома воздушных змеев не было. Лу Цинцзю планировал поехать в город купить, но Инь Сюнь храбро вызвался сделать, пообещав, что его змей будет очень красивым.

Лу Цинцзю отнёсся к его самоуверенному заявлению скептически, но, увидев, как Инь Сюнь кладёт руку на грудь и клянётся, что всё будет хорошо, решил дать шанс своему «сыну»-разгильдяю.

Для змея использовалась обычная бумага, а каркас сделали из бамбука, который принёс Инь Сюнь. Бамбук разрезали на полоски – теперь можно было собирать каркас. Лу Цинцзю сел рядом и, видя, что змей у Инь Сюня действительно смотрится неплохо, почти опешил.

«Какого змея ты делаешь?» – спросил Лу Цинцзю.

«Кальмар (уóu yú)», – ответил Инь Сюнь.

Лу Цинцзю: «Плавающая рыба (уóu yú)».

[По-китайски «рыба» и «кальмар» звучат одинаково.]

Подумав, он решил, что воздушные змеи в форме рыбок – не странность, и успокоился. Подготовив Инь Сюнь всё для раскрашивания, он вернулся во двор заниматься другими делами. Пользуясь хорошей погодой, он собрался прибраться в свинарнике и вынести оттуда старую солому.

Когда Лу Цинцзю закончил работу и повернул обратно, его взгляд упёрся в то, что Инь Сюнь называл «рыбой».

Лу Цинцзю вздрогнул. «...Это что?»

«Кальмар?» – ответил Инь Сюнь.

«С каких это пор у рыбы есть щупальца?»

«А разве у кальмаров не бывает щупалец?»

Лу Цинцзю на миг умолк.

«Погоди. Когда ты говоришь „ю-юй“... какие это два иероглифа?»

«... „Ю Юй“ из „Ю Юй Дунь Цзи“*».

[Кальмары и тушёная курица]

Лу Цинцзю мгновенно смирился. Этот бестолковый Инь Сюнь сделал змея просто огромным, совершенно чёрным, с двумя ярко-жёлтыми глазами. Щупальца снизу свисали длинными, тонкими нитями. Лу Цинцзю уже представлял, как этот воздушный змей, взмывая в небо, пугает детей до слёз.

Но всё уже было готово, так почему бы не воспользоваться? В конце концов, Лу Цинцзю решил промолчать.

На одном дыхании Инь Сюнь смастерил двух воздушных змеев – их форма и цвет были просто неопишуты. Но, чтобы не гасить энтузиазм своего ребёнка, Лу Цинцзю, как подобает отцу, решил просто это пережить.

Инь Сюнь уже предвкушал их прогулку послезавтра.

Способностей у него было немного, но погоду он предсказывал отменно. Следующие два дня обещали быть ясными. На третье утро Лу Цинцзю встал рано, приготовил еду, и вся семья отправилась на прогулку.

Сяо Хуа, Сяо Хэй и маленький лисёнок тоже пошли. Три человека и три зверя торжественно поднимались на гору.

Неподалёку от вершины была просторная поляна. Весной сюда с силой дул ветер – самый раз для воздушных змеев.

Инь Сюнь держал в одной руке большого чёрного кальмара, в другой – какое-то неведомое существо и, сияя, бежал за Лу Цинцзю. Тому даже приходилось оглядываться и говорить парню, чтобы тот не споткнулся.

Бай Юэху, как всегда, выглядел ленивым. Волосы его снова стали короткими – на этот раз их подстриг Лу Цинцзю. Он не стал делать их слишком короткими, чтобы не мешали есть. Но даже так было куда лучше, чем вечная «обкусанная собакой» стрижка, которую Бай Юэху устраивал себе сам. Хотя какая бы причёска у Юэху ни была, его красота от этого не страдала.

Ветер на горе приносил аромат цветов. В траве меж деревьев пестрели полевые цветы всех оттенков радуги. Вокруг порхали бабочки и пчёлы. В сравнении с мёртвой тишиной зимы всё вокруг дышало жизнью.

Все трое шли по горной тропе к вершине, неся воздушных змеев и бамбуковую корзину с едой. Почувствовав сильный ветер, Инь Сюнь взволнованно вытащил своего змея и пустился бежать. Поначалу Лу Цинцзю сомневался, что змей Инь Сюня взлетит, но после одного круга воздушный кальмар поднялся, уносясь напрямиком в небо.

Инь Сюнь рассмеялся звонко, как ребёнок. «Смотри, смотри, мой змей летит!»

Сяо Хуа и Сяо Хэй бежали рядом. Видя, что они тоже хотят играть, Инь Сюнь обмотал верёвку вокруг копыта Сяо Хуа. Но ветер на вершине был слишком силён, а Сяо Хуа слишком мал – его чуть не унесло в небо. К счастью, Лу Цинцзю вовремя схватил его за хвостик, предотвратив трагедию.

«Смотри за Сяо Хуа, когда играешь со змеем. Для маленького поросёнка это опасно, – наставлял Лу Цинцзю, как взрослый, учивший малых детей. – Следи, чтобы никаких несчастных случаев».

Инь Сюнь послушно кивнул.

Управившись с Инь Сюнем, Лу Цинцзю открыл принесённую бамбуковую корзину, расстелил на сочной зелёной траве скатерть и разложил на ней всякую снедь. В термобоксах лежали тушёное мясо и жареная курица, а ещё клубничное печенье и яблочный пирог – он встал очень рано, чтобы их испечь. Лу Цинцзю не забыл и несколько бутылок содовой, завёрнутых в холодные полотенца.

Бай Юэху сел на землю рядом с Лу Цинцзю, подняв голову и наблюдая за воздушными змеями в небе. Лу Цинцзю стоял рядом, улыбаясь: «Когда мы были детьми, мы все любили привязывать травинку к верёвке змея. Загадывали при этом молчаливое желание. Говорили, что так можно послать весть богам на небесах, и они исполнят желание».

Бай Юэху спросил: «Боги исполнили твоё желание?»

Лу Цинцзю разочарованно вздохнул: «Конечно, нет».

Услышав это, Бай Юэху опустил взгляд, небрежно выдернул зелёную травинку и протянул её Лу Цинцзю. «Попробуешь ещё раз?»

Лу Цинцзю рассмеялся. «Хорошо».

С травинкой в руке он подошёл к Инь Сюню и привязал её к верёвке змея. Инь Сюнь начал отпускать верёвку, позволяя змею взмыть ещё выше, унося с собой в небо травинку Лу Цинцзю.

Какое желание загадал Лу Цинцзю, было не так уж важно. В конце концов, на небесах не было богов. А раз богов нет, кто же исполнит его желание?

Инь Сюнь был точно ребёнок: он весело играл с маленькими свинками и лисёнком, даже хотел привязать лисёнка к другому змею и дать ему полетать. Лу Цинцзю, как их родитель, мог лишь безжалостно пресекать смертоносные шалости этих медвежат, заявив, что лисы не умеют летать и что если тот упадёт, вся деревня придёт к ним домой есть.

«Почему вся деревня придёт к нам есть?» – удивился Инь Сюнь.

«Чтобы отпраздновать твои похороны, разумеется».

«...»

В конце концов Инь Сюнь сказал, что не хочет беспокоить всю деревню, послушно привязал змеев к маленькому деревцу, сел и принялся за еду.

Лу Цинцзю сам приготовил жареную курочку. Кусочки были покрыты тонким слоем муки и медленно обжарены в тёплом масле. После жарки они стали хрустящими снаружи, а внутри – мягкими и сочными; откусив, можно было почувствовать, как из курицы сочится светло-жёлтый сок. Для блюда взяли молодых цыплят, и даже кости были хрустящими – стоило надавить, и они ломались во рту.

Попивая холодную газировку и закусывая всё ещё дымящейся жареной курицей, Лу Цинцзю чувствовал, что жизнь всё-таки прекрасна и что не так много препятствий, которые нельзя

преодолеть.

На середине трапезы ему вдруг захотелось в туалет. Он положил еду, вытер руки салфеткой и сказал: «Я отойду пописать».

«О, – Инь Сюнь был с набитым ртом. – Возвращайся скорее, а то я съем всю курицу», – говоря это, он покосился на Бай Юэху.

Тот холодно посмотрел на него. Инь Сюнь мгновенно съёжился, вытащил куриную ножку изо рта и откусил кусочек.

«...Хорошо, я оставлю тебе ножку».

Лу Цинцзю сказал: «Ты такой драматичный».

Инь Сюнь обиженно хмыкнул.

Лу Цинцзю направился в ближайший лес и нашёл укромное местечко. Но только он собрался снять штаны, как заметил что-то странное у своих ног. Приглядевшись, он увидел кучу чёрных муравьёв, ползающих в траве.

Чёрные муравьи сами по себе не были удивительны, но след, который они оставляли, был очень странным. Присмотревшись, Лу Цинцзю с изумлением обнаружил, что муравьи невероятным образом сложились в «А-Цзю».

«А-Цзю» – так его называла бабушка. Кроме этой пожилой женщины, которая уже покинула его, почти никто его так не звал.

По спине Лу Цинцзю пробежали мурашки. Прежде чем он успел опомниться, чёрные муравьи сложились в ещё два слова: «Иди сюда».

«А-Цзю, иди сюда», – раздался в ушах мягкий старческий голос. Словно одержимый, Лу Цинцзю почувствовал, как разум пустеет, оставляя лишь одну мысль: нужно идти туда, куда зовёт его бабушка.

Чёрные муравьи проложили путь, уводя зачарованного Лу Цинцзю вглубь леса. «А-Цзю, иди сюда, А-Цзю, иди сюда...» – его мысли перекликались с голосом бабушки. И только когда перед ним появился незнакомый мужчина, Лу Цинцзю вышел из этого транса.

«Ты... Кто ты такой?» – В голове уже смутно вырисовывалась догадка о личности этого человека.

Человек стоял против света, в глубине леса. Он был одет в чёрное – длинную мантию, немного похожую на одежду Бай Юэху, волосы рассыпались по плечам, глаза были закрыты. Даже когда черты его лица оставались расплывчатыми, было трудно скрыть его красоту.

Сам того не замечая, Лу Цинцзю уже углубился в лес. Всё вокруг было незнакомо. Лёгкий ветерок, что дул в лицо, стих. На деревьях не слышалось птичьего пения – лишь тишина.

Мужчина подошёл к Лу Цинцзю. Тот инстинктивно повернулся, чтобы убежать, но в панике споткнулся о камень, сделал несколько шатающихся шагов и, потеряв равновесие, упал на землю.

«Ах», – ладонь Лу Цинцзю угодила прямо на острый камень. Острая боль от пореза заставила его невольно вскрикнуть.

Глаза мужчины были закрыты, но он словно почувствовал, что произошло, слегка нахмурился и приблизился к упавшему Лу Цинцзю. Тот смотрел, как человек остановился перед ним, образуя силуэт в ореоле света.

«Зачем ты привел меня сюда?.. – Лу Цинцзю положено было бы испугаться, но, увидев лицо этого человека в каких-то жалких сантиметрах от своего, он странным образом успокоился и даже сумел вежливо задать мучивший его вопрос: – Ты чего-то хочешь от меня?»

Мужчина молчал, сидя на корточках. Хотя глаза были закрыты, Лу Цинцзю всем нутром чувствовал: тот смотрит на него в упор.

«Ты убил моих родителей? – спросил Лу Цинцзю. – Ты хочешь убить и меня?»

Губы мужчины сжались в тугую, напряжённую дугу. Лу Цинцзю почудилось, будто он хочет что-то сказать, но тот лишь едва заметно покачал головой – и промолчал.

«Ты не хочешь меня убивать? – Лу Цинцзю выдохнул свободнее. Он понял: этот прекрасный мужчина не враждебен ему, по крайней мере сейчас. – Тогда что ты хочешь мне сказать?»

Мужчина протянул руку к Лу Цинцзю – жестом приглашая положить ладонь на его. Лу Цинцзю на миг заколебался, раздумывая, как поступить. Но едва он задумался, как из-за деревьев донёсся голос Бай Юэху, полный отчаянной тревоги: «Лу Цинцзю! Лу Цинцзю, где ты?!»

Голос звучал всё ближе – ещё мгновение, и он их найдёт.

Брови мужчины нахмурились ещё сильнее. Не дав Лу Цинцзю времени на раздумья, он перехватил его запястье и пальцем начертал на ладони одно-единственное слово. Прикосновение было лёгким, но чётким – хватило одного движения, чтобы Лу Цинцзю понял: «Уезжай». Стоящий перед ним велел ему уходить.

«Что это значит? – растерялся Лу Цинцзю. – Ты велишь мне уехать? Уехать? Почему я должен уезжать?»

Голос Бай Юэху звучал всё ближе, и на лице мужчины проступила тревога. Он открыл рот, сию секунду что-то произнести, но из горла вырвались лишь хриплые, прерывистые звуки. Лу Цинцзю, сидевший напротив, увидел ясно: во рту у этого человека была лишь половина языка. Перед ним, без сомнений, стоял тот самый чёрный дракон, что был пойман в ловушку. Он сбежал из клетки, разыскал его – и написал на его ладони лишь одно слово?

Голос Бай Юэху прозвучал прямо за спиной Лу Цинцзю. Ещё несколько деревьев – и он увидит их.

Мужчина понял: времени не осталось. Он поднял руку, легонько погладил Лу Цинцзю по голове – с грустной, нежной улыбкой, полной печали. А затем повернулся и в одно мгновение исчез из виду.

Лу Цинцзю хотелось услышать, что тот хотел сказать, но мужчина явно не желал встречаться с Бай Юэху. Его уход был решителен и бесповоротен.

«Лу Цинцзю! – панический возглас раздался прямо над ухом. Бай Юэху, увидев Цинцзю сидящим на земле, торопливо подбежал и стиснул его плечи. – Ты цел? Он ничего тебе не сделал?»

«Нет, – Лу Цинцзю взглянул на Бай Юэху. Слово одержимый, он умолчал о том, что мужчина написал у него на руке, лишь покачал головой. – Кажется, он не мог говорить».

«Ты ранен», – заметил Бай Юэху.

Ладонь Лу Цинцзю была рассечена камнем, когда он падал. Сейчас она вся была в крови. Но всё его внимание было приковано к тому человеку – он и не заметил боли. Лишь слова Бай Юэху заставили её вспыхнуть жгучим огнём.

«Я случайно упал, – смутился Лу Цинцзю. – Пустяки, приду домой – протру спиртом, и всё пройдёт».

Бай Юэху не согласился. Его ноздри слегка дрогнули, будто учуяв что-то, и он посмотрел на Лу Цинцзю серьёзным, тяжёлым взглядом.

«От тебя пахнет им. Он коснулся тебя».

Лу Цинцзю на миг остолбенел, потом смущённо пояснил: «Нет, он просто взял меня за руку...» – и погладил по голове.

Бай Юэху поджал губы - это выражение лица почему-то напомнило Лу Цинцзю того мужчину. А затем он сделал то, чего Лу Цинцзю никак не ожидал... Опустив голову, Бай Юэху бережно слизнул кровь с его ладони.

«Ах!» - Тёплый, мягкий язык медленно скользнул по коже, счищая грязь возле раны. От этого не было больно - лишь странное онемение. Лицо Лу Цинцзю вспыхнуло. Дрожащим голосом он выдавил: «Не надо, там же грязно!»

Бай Юэху остался недоволен. «Я не заболею, съев это».

«Но...» - начал Лу Цинцзю.

«Это нужно очистить», - отрезал Бай Юэху.

«Очищение» относилось к ране, но почему-то Лу Цинцзю почувствовал в этих словах иной, скрытый смысл. Действия Бай Юэху были так серьёзны, что на миг он даже усомнился: стоит ли возражать? А когда наконец решился, всё уже кончилось. Бай Юэху поднял его с земли, и Лу Цинцзю покорно позволил привести в порядок свою растрёпанную одежду.

Стряхнув последние пылинки, Бай Юэху вдруг нахмурился - и Лу Цинцзю почувствовал, как тёплая ладонь легла ему на голову, заставляя повернуться. А затем на его волосы опустился крепкий, властный поцелуй.

Ошеломлённый Лу Цинцзю замер. «Ты...»

Голос Бай Юэху прозвучал глухо, с оттенком обиды и гнева: «Он коснулся твоих волос».

Возмущённый было Лу Цинцзю вдруг почувствовал себя виноватым. Он беспомощно открыл и закрыл рот, и лишь спустя долгое мгновение тихо пробормотал: «Он просто прикоснулся...»

«Даже прикасаться нельзя, - холодно отрезал Бай Юэху. - Лучше бы он вовсе на тебя не смотрел».

«...» Лу Цинцзю вздохнул.

Взяв его за руку, Бай Юэху вывел его из леса. Тут только Лу Цинцзю понял, что они отошли совсем недалеко от поляны, где устроили пикник.

«Лу Цинцзю, ты цел?!» - увидев их, Инь Сюнь шумно выдохнул. Он уже успел напридумывать бесчисленное множество ужасов - больше всего боялся, что Бай Юэху вернётся с обезображенным трупом. Или того хуже - без тела вовсе.

«Я в порядке, – сказал Лу Цинцзю. – Кажется, он не желал мне зла».

«Не желал зла? – пробормотал Инь Сюнь. – А зачем тогда увёл? Я чуть не поседел от страха». – Слава Небесам, Бай Юэху вернул его целым и невредимым.

Лу Цинцзю беспомощно усмехнулся: «Если бы он хотел мне зла, я бы уже был мёртв».

Даже пройдя через пытки, дракон оставался драконом. Самый могущественный человек – всего лишь муравей перед этим мифическим созданием.

Губы Инь Сюня дрогнули: он явно не разделял эту точку зрения. В его глазах тот, кто тайком увёл Лу Цинцзю, не мог быть хорошим.

А солнце между тем уже клонилось к закату. Лу Цинцзю не заметил, как пролетело время.

Прогулка на этом завершилась. Они собрали вещи и приготовились спускаться с горы. Однако, покидая лес, Лу Цинцзю невольно оглянулся. Ему почудилось, будто тот человек всё ещё там – просто не показывается.

Рана на ладони, очищенная слюной Бай Юэху, почти не болела. Но надпись, выжженная на коже тонким пальцем мужчины, никак не шла из головы.

«Уезжай». Что он имел в виду? Хотел, чтобы Лу Цинцзю ушёл с ним? Или в этом таился иной смысл? Неужели он сбежал из заточения только ради того, чтобы сказать ему одно слово?

Лу Цинцзю не мог понять. Он невольно вздохнул.

«О чём вздыхаешь?» – спросил Инь Сюнь.

Лу Цинцзю не ответил.

«Давай завтра поедем кальмаров».

«С чего вдруг?» – удивился Инь Сюнь.

«Потому что мне всё время казалось, будто от твоего змея разит кальмаром».

Инь Сюнь: «...» Какой ещё кальмар? Он же летал высоко-высоко!

Автору есть что сказать:

На лице Лу Цинцзю было мрачное выражение: «...»

Бай Юэху: «Что случилось? Не беспокойся обо мне, я обязательно защищу тебя».

Лу Цинцзю: «Нет... тут другое...»

Бай Юэху: «?...»

Лу Цинцзю: «Кажется, я только что забыл пописать».

Бай Юэху: «...»

Переводчику есть что сказать:

ессо: Ох, уж это собственническое отношение! Не смотри, не трогай, не стой рядом... Зверь учуял соперника!

Дедуля не виноват! Что же все-таки случилось в прошлом? Я продолжаю придумывать идеи в духе трагических новелл в стиле уся и сянься...

Ах, не могла удержаться! Посмотрите на мега милый арт! Дракоша Юэху ест лапшу! Ссылка на профиль автора фанарта

<https://www.instagram.com/bewarethemandragora/>

Рохана: «...обычная «обкусанная собакой» стрижка Бай Юэху» - меня вынесло!! /ржач/ зачем я это представила?! хД

<http://bllate.org/book/15722/1636396>